

ОБ АВТОРЕ

Роберт Линдон занимается соколиной охотой с детства. Тонкий знаток истории, он заинтересовался свидетельствами об использовании соколов в качестве выкупов в Средневековье. Некоторые сцены в книге навеяны собственным опытом Линдана как сокольника, скалолаза и путешественника в отдаленные уголки земли.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В одиннадцатом столетии датчане, норвежцы, шведы и жители Исландии еще говорили на диалектах единого, понятного им всем языка, в родственной связи с которым состоял и английский. Таким образом, при желании англосакс мог объясняться со скандинавом.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

1054 — произошел раскол христианской Церкви на римско-католическую и православную ветви.

1066, сентябрь — король Англии Гарольд разбил норвежское войско в битве при Стамфорд-Бридже в графстве Йоркшир.

1066, октябрь — Вильгельм, герцог Нормандии по прозвищу Завоеватель, разгромил армию Гарольда при Гастингсе, Сассекс.

1066, декабрь — Вильгельм коронован королем Англии.

1069—1070 — для подавления восстания в Северной Англии Вильгельм ведет карательную экспедицию в Нортумбрию¹, где опустошает земли между Йорком и Даремом.

1071, август — армия сельджуков под командованием Алп-Арслана (турк. «храбрый лев») нанесла поражение войскам византийского императора Романа IV Диогена при Манцикерте² (территория нынешней Восточной Турции). В результате этой победы Анатолия была присоединена к Сельджукскому султанату, что в дальнейшем привело к Первому крестовому походу.

1072, июнь — король Вильгельм I подчинил себе Шотландию.

1072, ноябрь — во время похода в Бухару от руки пленника погиб Алп-Арслан.

¹ Нортумбria — средневековое королевство на территории нынешней Англии.

² Манцикерт — старинное название турецкого города Малазгирт.

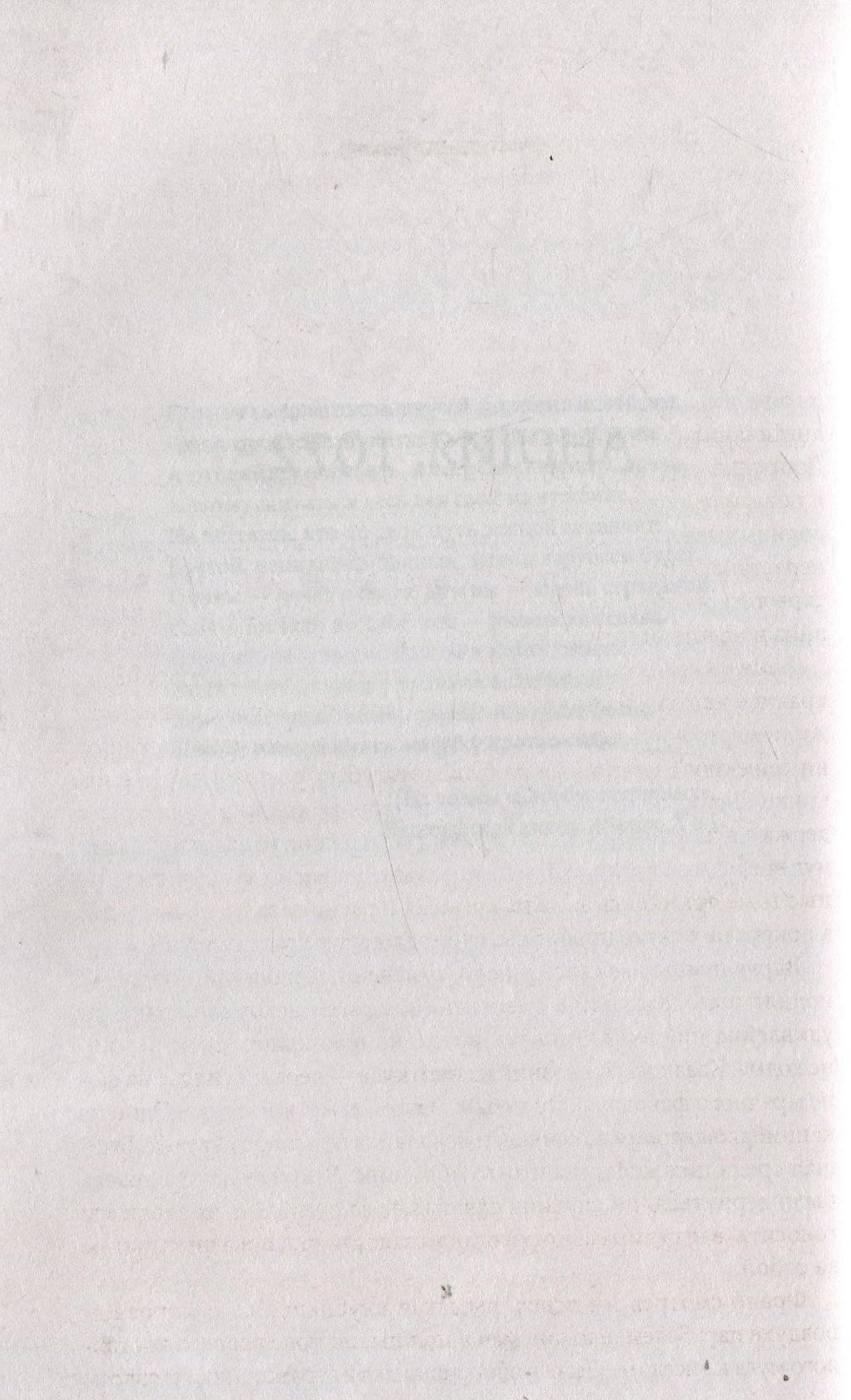
СТОИМОСТЬ КРЕЧЕТОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

В Книге Судного дня, написанной в 1086—1087 годах, говорится, что цена одного кречета составляла 10 фунтов, то есть сумму, примерно равную полугодовому доходу рыцаря. Учетные книги короля Генриха II свидетельствуют, что в 1157 году он уплатил более 12 фунтов за четырех кречетов, которых послал в дар императору Священной Римской империи Фридриху I Барбароссе. В 1162 году, чтобы снарядить корабль в Норвегию для покупки кречетов, Генрих должен был уплатить 43 фунта. За эти же деньги можно было приобрести 250 коров, или 1200 овец, или заплатить пятидесяти крестьянам за год работы.

Кого-то сморит голод, другой погибнет в штурме.
Иной, пронзенный пикой, умрет на поле брани.
А тот найдет погибель, в лесу свалившись с древа.
А этому скитаться весь век свой на чужбине.
На виселице кто-то свой путь земной закончит.
Другой, напившись пьяным, мечом зарублен будет.
Одним — почет и блага, другим — юдоль страданий.
Сим — юности веселье, тем — рыцарская слава.
Стреляет этот метко, другой в игре удачив.
А тот гуляк досужих, кривляясь, забавляет.
Кому-то гордый сокол, парящий в поднебесье,
Неволе покорившись, на руку кротко сядет.

(Из поэмы «Судьбы смертных»,
Эксетерская книга, Англия, X в.)

АНГЛИЯ, 1072

I

Утром того дня нормандский конный разъезд схватил молодого англичанина, добывающего корм скоту в лесу южнее реки Тайн. Допросив его, нормандцы решили, что перед ними повстанец, и повесили бедолагу на высоком холме в назидание всем жителям долины. Поеживаясь от холода, солдаты дождались, когда жертва перестанет биться в конвульсиях, и ускакали прочь. Они еще не скрылись из виду, как птицы-падальщики, кружась, устремились вниз и налетели на труп алчной стаей.

Ближе к вечеру несколько изнуренных голодом крестьян прокрались на холм и отпугнули птиц. Перерезав веревку, они положили мертвца на промерзшую землю. Ни глаз, ни языка, ни носа, ни гениталий у него уже не было, безгубый рот застыл в немом крике. Люди молча, не глядя друг на друга, стояли вокруг трупа, держа в руках топоры для разделки туш. Наконец один из них шагнул вперед, взял руку мертвца и, размахнувшись, отрубил. Остальные тоже принялись за дело, кромсая и распиливая тело на куски, а вокруг них скакали вороны, отбирая друг у друга остатки.

Вдруг птицы взвились в небо, охваченные паникой. Людоеды, подняв глаза, застыли в оцепенении, а затем вскочили, ахнув от удивления при виде человека, внезапно появившегося на вершине холма. Казалось, он возник из ниоткуда — черный силуэт на фоне мрачного февральского неба, с мечом, зажатым в руке. Один из каннибалов громко закричал, и вся шайка бросилась наутек. Бывшая среди них женщина что-то обронила. Вскрикнув, она хотела было вернуться, но спутник схватил ее за руку. Она продолжала голосить, в нерешительности оглядываясь назад, пока он тащил ее за собой.

Франк смотрел им вслед, выдыхая клубившийся в морозном воздухе пар. Затем, вложив меч в ножны, он повел своего костлявого мула к виселице. Даже в обносившихся в странствиях, не совсем

чистых одеяниях он производил устрашающее впечатление. Это был высокий человек с глубоко посаженными глазами, потемневшими от солнца и ветра скулами, крупным носом и растрепанными волосами, обрамлявшими длинное лицо.

Мул странника фыркнул, когда ворон, застрявший в ребрах мертвеца, наконец вырвался и полетел прочь. Мужчина равнодушно взглянул на обезображеный труп, а затем нахмурился. Впереди него, едва различимый в наступивших сумерках, лежал завернутый в ткань предмет, потерянный женщиной. Привязав мула к виселице, франк подошел к свертку и перевернул его носком сапога. Он взгляделся в сморщенное лицико младенца с плотно закрытыми глазами, которому было всего несколько дней от роду. Рот малыша искривился — он был жив.

Путник огляделся по сторонам. Вороны снова стало слетаться на землю. Спрятать ребенка было негде. Как только он покинет вершину холма, птиц станет еще больше. Милосерднее было бы избавить малютку от страданий сейчас же одним ударом меча. Даже если его мать и возвратится, он наверняка уже будет мертв от голода.

Взгляд странника наткнулся на виселицу. Мгновение поколебавшись, он поднял младенца на руки. По крайней мере, младенца хорошо запеленали, оберегая от мороза. Мужчина устало побрел к своему мулу, вытащил из-под седла пустой мешок. Ребенок издал недовольный писк, его губы шевельнулись, изображая сосательное движение. Положив младенца в мешок и сев верхом на мула, он привязал мешок к обрывку веревки, оставшейся на виселице, так чтобы волки не могли достать его. Конечно, это ненадолго задержит птиц, но франк понимал, что мать вернется за малышом, как только он уйдет отсюда.

Горько улыбнувшись, странник сказал:

— От роду неделя, а уже повешен. Если выживешь, может, станешь хорошим человеком.

Птицы вновь переполошились, когда на гребне горы, едва представляя ноги, появился еще один человек. Он остановился, увидев виселицу.

— Поторопливайся! — крикнул ему франк. — Скоро стемнеет.

Наблюдая за приближением паренька, франк покачал головой. Сицилиец напоминал ходячее пугало. Еще одна ночь, проведенная

без пищи и крова, — и ему, скорее всего, конец, а единственная возможность переночевать в тепле и поесть — идти к людям, вздернувшим этого несчастного англичанина.

Сицилиец застыл на месте с угрюмым выражением черных глаз на мертвенно-бледном лице. Уставившись на обезображеный труп, он, не сдержав отвращения, вскрикнул:

— Кто это сделал?

— Голодающие крестьяне, — ответил франк и взял в руки вожжи. — Они были еще здесь, когда я пришел. Слава богу, что не ты шел впереди.

Взгляд сицилийца, скользнув по сторонам, остановился на мешке.

— А это что такое?

Франк ничего не ответил.

— Они не могли уйти далеко. Думаю, они где-то притаились, поджидая нас. — Он подстегнул мула. — Так что не отставай, если не хочешь закончить жизнь, варясь в котелке.

От изнеможения парень не мог сдвинуться с места.

— Как я ненавижу эту страну, — пробормотал он так слабо, что сказанное едва можно было прочесть по губам. — Ненавижу!

Тихий писк заставил его отшатнуться в испуге. Он был готов поклясться, что звук исходил из мешка. Беспокойно поискав глазами франка, он увидел его удаляющийся силуэт. Из мешка снова донесся писк. Птицы, опять появившиеся в свинцовом небе, черными пятнами стали медленно опускаться на землю. Одна из них запрыгнула на череп мертвеца и, покосившись в сторону сицилийца, погрузила голову в разодранное тело.

— Постойте! — закричал сицилиец и, пошатываясь, поспешил вдогонку за своим господином. Затем он стал взбираться на зловещую вершину.

Франк торопился, пока совсем не стемнело. Путь пошел под уклон, и стали видны очертания отдаленных холмов. Сделав несколько шагов, он опустился на корточки, всматриваясь в сторону широкой долины. Тьма уже окутала речную равнину, и он, возможно, не заметил бы крепость, если бы та не оказалась совсем недавней постройкой. Свежепобеленные деревянные стены мрачно возвышались в темноте, еще храня на себе следы топора. Крепость рас-